

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

ВЛАСТИТЕЛЬ
ЖЕНСКИХ ДУШ

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе
Властитель женских душ
Серия «Искусство детектива.
Романы Т. Гармаш-Роффе»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5813689

Властитель женских душ:

ISBN 978-5-04-156533-6

Аннотация

Все прекрасно в доме знаменитого писателя Жана-Франсуа де Ларю. А еще прекрасней его молодая жена Марион! Слава, богатство, любовь – что еще нужно человеку для счастья?.. Однако писатель неожиданно кончает жизнь самоубийством. Поверить в это просто невозможно! Но также невозможно предположить и убийство. Все обитатели дома находились перед запертой дверью, а посторонние никак не могли проникнуть в него!

За расследование этого загадочного дела берется частный детектив Реми Деллье...

В сборник, который вы держите в руках, входят повесть «Властитель женских душ» и рассказы.

Содержание

Властитель женских душ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Гармаш-Роффе

Властитель женских душ

И С К У С С Т В О Д Е Т Е К Т И В А

Оформление серии Д. Сазонова

Редактор серии А. Антонова

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© beast01, Ljupco Smokovski, kryzhov, Aishyn /

Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Гармаш-Роффе Т.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Властитель женских душ

Герметичный детектив

Если бы случайному прохожему выпала честь попасть за высокие ворота усадьбы Жана-Франсуа де Ларю, он непременно бы решил, что потерялся в веках. Сначала ему пришлось бы пройти через розарий, поражающий буйством всех оттенков красного, от почти черного, цвета свернувшейся крови, до алого. Кусты разнились по высоте, и создавалось впечатление, что их одуряющая волна набегала на узкую, мощенную плитами дорожку. Слева и справа розарий огибали мощенные булыжником дороги, предназначенные для машин.

Миновав розарий, случайный прохожий вышел бы на просторную площадку (если не сказать площадь) перед старинным особняком. Две лестницы из розового мрамора обрамляли чашу фонтана и вели к портику с тремя колоннами, тоже из розового мрамора.

Особняк был старинным, это точно. К какой эпохе его отнести, наш прохожий затруднился бы сказать, только если бы не оказался знатоком архитектурных стилей. Да и какая разница! Дух прошлых веков царил во всем. Даже в пра-

вом крыле, где находился гараж машин на пять как минимум. Пусть раньше в нем размещались кареты, не так уж важно; зато чего стоит один только этот парень в униформе с золотыми пуговицами, современный такой конюх, отмы- вающий до блеска современную «лошадку», нагло-красный «Порше»-кабриолет!

А уж если бы нашему прохожему довелось попасть в дом, то он бы точно потерялся во времени: узорчатый старин- ный паркет, роскошные бронзовые статуи-светильники, дра- гоценные вазы по углам, гобелены и картины на стенах...

К счастью для нашего прохожего, его впечатлительность понести никакого ущерба не рисковала, поскольку во владе- ния Жана-Франсуа де Ларю он попасть никак не мог. Еще десятью годами раньше их рьяно охранял сторож, а ныне его заменила электроника.

Так что забудем про прохожего.

Мелани ненавидела запах роз. И сами розы ненавидела. И дом ненавидела. И мрамор, и все эти вазы, светильники, с которых так трудно стирать пыль, во всех их выпуклостях и впуклостях. И хозяйина она ненавидела. И хозяйку.

Хозяин был жмотом. Две недели назад Мелани попросила его о прибавке к жалованью: две с половиной тысячи евро в месяц, разве это деньги?¹

Но он, гад, ответил: «Вы забыли посчитать, Мелани, что

---

¹ Это очень высокая зарплата для домработницы. (Прим. автора.)

вы живете в моем доме, за что денег не платите, и питаетесь в нем же. Жилье и еда – это основные статьи расходов любого человека. Так что две с половиной тысячи вам остаются на кружевное белье. Неужели вы действительно находите, что этого мало?»

Как же Мелани его ненавидела!!! Всей своей пролетарской душой. Ведь у него-то не две с половиной, а двести с половиной в месяц (Мелани почему-то так считала, хотя хозяин никогда не обсуждал свои доходы ни с кем), – ну чего бы ему не отстегнуть своей горничной хоть пять тысяч, спрашивается?!

Что же до хозяйки, то тут дела обстояли еще хуже. Красивая пустоголовая куколка, она даже не замечала Мелани. Хозяин, тот хоть и жмот, а все же иногда расспрашивал горничную о родителях, о брате... А эта мимо проходила, словно Мелани была вазой. Или картиной на стенке, которая уже сто лет как примелькалась, и на нее больше не смотрят...

Красивые женщины не бывают умными, считала Мелани. А умные, увы, не бывают красивыми... как она сама, Мелани.

Садовник, Этьен, страстно любил розы. Эти дивные творения природы и человеческой изобретательности являлись воплощением красоты и женственности. Они были столь же прелестны, сколь капризны; им требовались внимание и уход, – иначе они хирели, болели и умирали. Но розы на-

много превосходили женщин в одном замечательном качестве: они умели быть благодарными за внимание и уход. Вот почему всю жизнь Этьен предпочитал иметь дело всерьез с цветами, а не с женщинами. Они не изящны, не утонченны – они грубые и практичные существа, причем страшно занудные... Как его жена, с которой он развелся восемь лет тому назад.

Если бы весь этот так называемый «прекрасный пол» был действительно прекрасен, как его цветы! Или вот как хозяйка, Марион, – нежная, грациозная, всегда веселая, приветливая...

Хозяин, Жан-Франсуа, Этьену ровесник: пятьдесят шесть. Возраст, когда мужской силы еще много, но при этом опыт делает мужчину особенно разборчивым и взыскательным... И он, Этьен, понимал удивление патрона этой дивной розой, Марион. Ее аромат не сравнить ни с одним цветком из его розария: как бы ни были прелестны его розы, Марион еще прелестнее.

Он завидовал хозяину. Конечно, он понимал, что никогда бы не смог дать подобному цветку надлежащего ухода – не по карману ему... Хоть телом Этьен куда стройнее патрона, сильнее, мускулистее. Он сумел бы ублажить Марион, которая на двадцать три года моложе! И заботился бы о ней... Бабла у него, конечно, не так много, как у хозяина, но, боже милостивый, хватило бы, чтобы купить ей лучшие тряпки! Он в цене, садовник Этьен. Жан-Франсуа платит ему хоро-

шие деньги, а если что, то Этьен к другому уйдет: его уже не раз пытались переманить! С большей зарплатой!

До сих пор он оставался верен хозяину: холостяку не так уж много нужно. Тем более что хозяин обещал отписать всем своим работникам по проценту от имущества в завещании. А имущество у него такое, что и один жалкий процент – это целое состояние! Между прочим, жест весьма щедрый: помножить на пять верных слуг – так уже пять процентов выходит! Остальное красоточке достанется, Марион. Да и племяннику, наверное, секретарю. Конечно, хозяину после смерти все равно будет, кому чего достанется, но другие богачи таких жестов не делают, Этьен это точно знал. Так что патрон у него хоть и не расточительный, но щедрый.

С другой стороны, Этьен ведь ровесник хозяину, и в этом смысле надеяться на то, что он дождетя завещания... Впрочем, здоровье Жана-Франсуа оставляло желать лучшего – не то что у Этьена! Садовник проводил свои дни на свежем воздухе, занятый физической работой (чувствуете разницу?!), – тогда как хозяин все больше в кабинете своем сидел, запершись: романы ваял. Расходились они огромными тиражами, откуда у него и такие бешеные доходы. Этьен попробовал почитать один – еле отплевался: все какие-то сентиментальные сопли, рассчитанные на дамочек! Разве уважающий себя мужчина станет писать розовую воду? Тьфу!

Но нет, Жан-Франсуа писал их без зазрения совести. Говорил, посмеиваясь: «Женщинам нужна мечта, и я им ее да-

рю!» Своей-то жене, Марион, он не мечты дарил, а весьма осязаемую роскошь...

Интересно, любит ли она это вялое существо с вялыми мышцами, нагло врущее в своих книжках дурам-читательницам? Или вышла замуж за его денежки? С виду вроде как любит. Так то с виду... Женщины большие мастерицы любовь изображать. Жена Этьена тоже изображала, пока они женихались...

Кристиан, «вуатюрье»², машинный конюх и возчик, был нечувствителен к аромату, доносившемуся от розария. Он воспринимал лишь запахи бензина, резины, масла. Он только по ним, казалось, мог обнаружить неполадку в одной из вверенных ему машин.

Хозяин неимоверно ценил его дар, и всегда с ним разговаривал о машинах, и спрашивал совета, если что-то вдруг барахлило. И руль доверял только Кристиану. Как-то случилось ему приболеть, так писатель два дня никуда не выезжал и от любой замены своему шоферу отказывался!

А Марион... Что с нее взять, баба и есть баба: никакого понятия! Вот давеча сказала: «Педаля плохо нажимается». А под педалюю – обертка от мороженого! Ну что с бабы взять? Одно только – полюбоваться на нее недолго, пока она на тачке выезжает...

---

² «Вуатюр» – это машина. Стало быть, «вуатюрье» – это тот, кто занимается машинами. (Прим. автора.)

Впрочем, Кристиан больше любовался «тачкой», чем женщиной.

Хотя такая женщина, как Марион... Она была, разумеется, ничем не лучше других баб, но только немыслимо красива. Урождаются же такие на свет, откуда только и берутся... Кажется, не от людей родилась, а прямо из мастерской бога спустилась на землю!

Она мешала Кристиану. Она отвлекала его от машин. Она ставила под сомнение его страсть к авто. Она опрокидывала его представления о правильном мироустройстве!

Он ненавидел ее за это. И безумно желал. Ему мерещилось, что если он однажды овладеет этой красоткой, то удовлетворит свою неправильную страсть и тогда сможет с чистой душой, без примеси предательства, вернуться к автомобилям...

Но овладеть Марион он никак не мог. Она принадлежала хозяину.

И он хозяина за это ненавидел.

Еще в доме наличествовали двое мужчин: секретарь и повар. Повар, Жак, был совершенно безразличен к чарам прелестной Марион: ему отбивная из телятины казалась верхом совершенства, изобретенный им соус куда как превосходил по аромату хоть розарий, хоть женщину!

Секретарь же, молодой человек по имени Фредерик, был влюблен в Марион. Однако меру знал: хозяин, Жан-Франс-

уа, приходился ему дядей, который подобрал юношу, когда скончался его отец (брат писателя), дал ему хорошо оплачиваемое место секретаря, кров и стол. И в завещании обещал облагодетельствовать.

Фредерик был ему бесконечно благодарен за это. Но все равно любил Марион, отчего страдал. Хотя все домашние над ним, романтичным, немножко подсмеивались, так как чувств своих противоречивых он, как ни старался, скрывать не умел...

И, для завершения картины, в дом была вхожа еще одна женщина, Элоди. Она, в отличие от Мелани, являвшейся горничной, – то есть имевшей доступ в личные апартаменты хозяина и его молодой жены, – приходила для так называемой «грязной уборки». То есть она мыла посуду на кухне (крупногабаритные кастрюли и сковороды, которые не влезали в посудомоечную машину), чистила плиту и духовку. На ней же лежала ответственность за уборку в служебных помещениях, как то: кухня, кладовки, прачечная, крыльцо, лестницы. Оно понятно: Мелани одной не справиться с этим огромным домом. Она и так проводит весь рабочий день в заботах о нем.

Элоди не испытывала вообще никаких чувств к хозяевам. Ей было глубоко наплевать на писателя (книжек, любых, она сроду не читала), равно как и на его неприлично молодую красавицу-жену. Элоди деловито выполняла свои обязанно-

сти и торопилась уйти домой, где ее ждали муж и внуки, подкинутые детьми. Что сын, что дочь, они особой щепетильностью в этом вопросе не отличались, и Элоди постоянно оказывалась с внучатыми младенцами на руках.

Иными словами, у нее было столь много личной жизни, что чужая ее не интересовала. Разве только обещание хозяйина завещать всей своей челяди по одному проценту с имущества... Это грозило вылиться в немалые деньги. Которые всегда нужны, не так ли? Впрочем, пока это он еще помрет... Может статься, что Элоди раньше его покинет этот мир!

Вот бы затрахала его молодая жена! Раз – и инфаркт в постели! А что, такое часто случается...

Этот день начинался так же, как другие.

Жан-Франсуа, как обычно, заперся в своем кабинете в девять утра, после легкого завтрака и душа. Теперь он будет ваять свой шедевр до часу дня, это знали все. Расписание давно устоялось и повторялось без отклонений из года в год. Даже с появлением в доме Марион, уже десять месяцев тому, привычки хозяина не изменились.

К часу дня Элоди должна была закончить свою работу и отбыть восвояси: писатель не любил, когда в доме мельтешило много людей.

А Мелани должна к этому времени завершить уборку внизу, поскольку все эти драгоценные вещи доверяли только ей! Элоди не имела права даже пыль смахнуть с ламп – она не за-

служила доверия в столь тонких материях! Но Мелани надлежало управиться на первом этаже к моменту выхода хозяйина из кабинета (располагавшегося тоже внизу), после чего перейти к уборке наверху, с глаз долой. Хозяин, видите ли, не выносит, когда перед его глазами мотается горничная!

К садовнику Этьену, равно как и к Кристиану, «каретнику», эти условия не имели отношения. У них был свой распорядок, связанный с работой во дворе – никак не с расписанием хозяйина.

Зато повара, Жака, это расписание касалось напрямую: в тринадцать ноль-ноль он должен подать обед. Или «ланч», как иногда называл хозяин обед этим английским словом.

Фредерика, секретаря, оно тоже касалось. «Великий писатель» имел обыкновение надиктовывать свои тексты – писать их он гнушался, – и Фредерик должен был править то, что печатала компьютерная программа распознавания голоса. А программа эта – полная дура! Отчего Фредерик тратил уйму времени, приводя текст хозяйина в читабельный вид... Но к моменту выхода хозяйина из кабинета ему следовало оторваться от работы и составить компанию Жану-Франсуа за ланчем.

Что же до Марион, то она с утра пораньше уже порхала по бутикам и салонам красоты. Но тоже считала своим долгом присоединиться к супругу на ланч. Так что вот-вот должна была появиться. Обитатели дома, как обычно, проводят глазами ее и предадутся мыслям – каждый своим...

В час дня Фредерик вышел из своего кабинета на втором этаже, потягиваясь и потирая глаза, уставшие от считывания текста на экране компьютера. Спустился вниз. Жан-Франсуа еще не появлялся, и Фредерик, пройдя через столовую, мимо накрытого к обеду стола, отправился на кухню, во владения Жака, где попросил у повара чашку кофе. Получив ее, он уселся на табурет, попивая маленькими глотками горький напиток (подслащенный кофе он не терпел, считая его полным извращением самой идеи кофе).

Минут через десять прилетела Марион. Красивая, оживленная, румяная. Светло-каштановые волосы подобраны и небрежно заколоты, выбившиеся пряди струятся по гибкой шее – картинка!

– Жан-Франсуа еще не выходил?

– Пока нет.

– Странно, он всегда пунктуален... Жак, сделайте мне тоже кофейку, пожалуйста!

Повар запустил машину и через минуту протянул чашечку хозяйке.

– Сегодня прекрасная погода! – сообщила она.

Присутствующие согласились, что отличная. Повисла пауза.

– Как там поживает наш роман? – повернулась Марион к Фредерику. В ее глазах промелькнуло легкое выражение иронии, на мгновение.

– Неплохо, – смутился секретарь.

Он всегда смущался, когда Марион обращалась к нему. Это давно заметили все, даже хозяин. И все над ним беззлобно посмеивались... даже хозяин.

– Скоро дойдете до финала? Вчера из издательства звонили, им не терпится получить в руки очередной шедевр! – улыбнулась она.

В дверях кухни возникла Мелани. Марион отлично чувствовала, что горничная ненавидит ее, но ей это было, по правде сказать, без разницы.

– Скоро, – кивнул Фредерик.

– Хороший роман получается? Муж не дает мне читать, пока не закончит!

– Хороший, – ответил Фредерик. – Как всегда.

«Как всегда». Марион отлично знала, что пишет ее супруг. Это было чтиво, низкопробное по духу, но профессиональное по качеству. И она прекрасно понимала, как к нему относится секретарь... Но произнести такое вслух он никогда не отважится. Равно как и она сама. Дело даже не в том, что не «отважится»... Просто подобные замечания вслух перед прислугой были бы дурным тоном.

– Я очень уважаю моего мужа, – заявила она с неожиданным пафосом. – Он добился успеха и богатства сам, своим трудом! Не крал, не обманывал людей, как другие, как все эти бизнесмены-мошенники!

– Согласен с вами, – отозвался секретарь, опустив глаза.

«Не обманывал»? Это как посмотреть... Фредерик лучше всех знал, что Жан-Франсуа продавал читательницам розовые грезы, фальшивые от начала до конца! Он ежедневно набивал текст писателя и видел, как тот правил свой текст, и без того сентиментальный, намеренно добавляя туда лубочные сценки то с домашними животными, то с детьми, а то вдруг брался платица всякие описывать или, к примеру, проблемы со свекровью вставлять в текст, – знал, чем подкупить читательниц! Да, они сами расхватывали его книги, но ведь и в банк-пирамиду люди несли деньги сами! Только создателя финансовой пирамиды ждет уголовная ответственность за обман вкладчиков, тогда как писателя, коммерчески-расчетливо дуращего голову читательницам, почему-то носят на руках... Такая вот странность. Впрочем, критики не устают его ругать. Особую их ярость вызывает тот факт, что Ж.-Ф. де Ларю выпускает по два романа в год. Ни один уважающий себя писатель не ставит свои романы на поток! – кипятятся критики. Это профанация писательского труда! – кричат они. Де Ларю превратил творчество в коммерцию!

Кричат. И что с того? Ничего ровным счетом. Издатель с Жана-Франсуа сдувает пылинки: читательницы раскупают весь тираж каждого нового романа в считанные дни, и типографский станок не успевает допечатывать новые тысячи и десятки тысяч экземпляров.

– Что-то хозяин припозднился сегодня... – заметила Мелани.

– Шедевры требуют времени, – усмехнулся Фредерик.

– Еще бы! – согласилась Марион.

– Ага, романы писать – это вам не машины мыть! – вдруг возник на кухне «каретник» Кристиан. – А мне тоже кофейку сделай, Жак!

– Шедевры денежки приносят, – флегматично заметил Этьен, в свою очередь присоединившийся к компании: для прислуги тоже близилось время обеда. На кухне.

– Из которых он платит вам всем зарплату, – заметила Марион.

– Так разве ж я против? Очень даже хорошо, что зарабатывает и нам платит... Есть уже хочется. Фредерик, когда хозяин выйдет?

По правилам, обед сначала подавался в столовую и лишь потом прислуге.

Все дружно посмотрели на часы: 13:17.

– Мне как-то беспокойно... – произнес Фредерик. – Хозяин никогда так не задерживался... Я ему позвоню, – полувопросительно адресовался он к Марион.

Та повела обнаженными плечами (лето!).

– Ну... Не знаю, может, не стоит ему мешать?

– Я все же позвоню.

И Фредерик набрал на своем мобильном номер Жана-Франсуа.

Все смотрели на секретаря, все прислушивались к тому,

что происходит в его трубке.

А в ней раздался железный голос автоответчика. В общем-то, ничего удивительного: когда хозяин работал, он отрезал себя от всего мира. Домашнего телефона в его кабинете не было, а мобильный он попросту выключал.

Двадцать пять минут второго. Беспокойство нарастало.

– Пойду постучу ему в дверь, – поднялась Марион.

Остальные проводили ее глазами. Право «постучать» в дверь имелось только у нее: в доме было заведено железное правило – писателя не тревожить!

Впрочем, вслед за ней поднялся Фредерик. И, чуть помедлив, за ним потянулась прислуга, выдерживая почтительное расстояние.

Кухня располагалась в левом крыле дома. Дальше за ней находились служебные помещения: большая кладовка, не менее большая прачечная, потом площадка с выходом в сад и лесенкой в подвал, а еще дальше – комнаты прислуги. В доме постоянно жили только Мелани и Кристиан, тогда как остальные были проходящими. Фредерик обитал на втором этаже, где находилась и хозяйская спальня. Там же располагался и кабинетик секретаря, и еще много разных комнат, по большей части никому не нужных. Жан-Франсуа купил этот дом на свои первые миллионы, когда ему еще и тридцати лет не стукнуло, осуществив давнюю мечту. Он был выходцем из дворянской семьи, но родители его жили весьма скромно:

состояние промотал еще их дед. И для Жана-Франсуа приобретение дворянской усадьбы являлось символом восстановления статуса всей семьи...

Кабинет писателя находился в противоположном крыле дома, в правом. Марион стремительно пересекла столовую, затем гостиную, затем «кофейную» (так называл ее Жан-Франсуа, потому что любил именно в ней распивать кофе и крепкие напитки с гостями), затем библиотеку. Кабинет являлся последним жилым помещением с этой стороны: сразу за его стенкой находился огромный гараж, бывшая конюшня, где царствовал Кристиан. Дойдя до двери, она прислушалась. Правда, это было совершенно бессмысленно: все знали, что помещение отделано звуконепроницаемым материалом. Жан-Франсуа наговаривал текст романа в голос, и компьютерная программа печатала его сама. Случалось, – Марион как-то слышала в один из тех исключительных моментов, когда муж пускал ее к себе, – он с программой ругался. «Дура! – кричал муж на программу. – Я сказал: запятая!»

И программа послушно печатала: «Дура, я сказал».

Они тогда еще вместе с Жаном-Франсуа весело хохотали.

Оглянувшись, – Фредерик стоял на пороге библиотеки, за ним, в некотором отдалении, просматривались остальные, – Марион несколько раз ударила изо всех сил кулаком в дверь, которая была также звуконепроницаемой.

Но никакого эффекта, Жан-Франсуа не откликнулся.

Марион барабанила в дверь, пока не отбила себе кулаки. Затем повернулась и посмотрела на Фредерика. Тот, в свою очередь, глянул на часы.

– Полвторого, – произнес он. – Так дядя еще никогда не запаздывал с выходом...

– Но он ведь финал дописывает, – неуверенно проговорила Марион. – Вы сами так сказали... Может, ему требуется лишнее время, чтобы поставить последнюю точку? Тем более что из издательства вчера звонили... По срокам роман должен быть закончен завтра. Договор-то подписан, аванс мужу заплатили, так что они беспокоятся...

– Он бы меня предупредил! – Фредерик подумал. – Ладно, ждем еще десять минут. Если дядя...

Он не договорил и уселся на диван. Марион села в кресло. Прислуга не посмела переступить порог библиотеки и сгрудилась в «кофейной».

...Десять минут показались всем вечностью. Все не сводили глаз с часов – кто с наручных, кто с настенных.

Наконец условленные минуты истекли. И ничего не произошло.

Фредерик снова набрал номер мобильного дяди. С тем же успехом.

Марион подошла к двери, размахнулась, но передумала.

– Найдите что-нибудь тяжелое, – попросила она слуг.

Первым среагировал садовник Этьен. Он выскочил из дома и через несколько минут вернулся с мотыгой.

– Она дерево испортит... – засомневалась Марион. – Это ведь настоящий мореный дуб...

– А вдруг хозяину помощь нужна? – возразил Этьен. – Вдруг у него со здоровьем что?

Марион отступила, и Этьен размахнулся, изо всех сил долбанув по драгоценному мореному дубу тупым концом орудия. Какой бы звуконепроницаемой ни была дверь, не услышать *этот* звук Жан-Франсуа не мог.

Тем не менее никакой реакции не последовало.

– Будем ломать! – заявил Фредерик.

Он был не только секретарем писателя, но в некоторой степени распорядителем дома.

Этьен и Кристиан переглянулись, кивнули друг другу и бросились из дома во двор. Через пять минут они вернулись, каждый притащил из своих владений инструменты. И лом, и молотки, и стамески разных размеров, и даже домкрат.

– Разойдись! – деловито проговорил Этьен, и они с Кристианом принялись выбивать замок.

Через несколько минут замок пал. Дверь поддалась натиску двух мужчин.

Взгляду присутствующих открылся большой письменный стол, изрядно заваленный бумагами. В центре его царил огромный экран компьютера, за которым нельзя было раз-

глядеть хозяина.

– Жан-Франсуа... – слабым голосом проговорила Марион. – Мон шер, ты здесь?

Ответа не поступило. Переглянувшись, народ бросился, давась в проеме двери, в кабинет, к столу...

И сразу же подался назад. Мелани закричала. Мужчины сдавленно воскликнули.

– Что... Что там? – испуганно спросила Марион – она единственная осталась на пороге.

– Там... там...

– Марион, вам нужно отсюда уйти! – нервно проговорил Фредерик. – И все, все уходите отсюда! Быстро, быстро, на выход! Это место преступления!

– Преступ... преступления? – Марион, протиснувшись через бегущих к выходу людей, двинулась к столу.

– Марион, не надо! – закричал Фредерик.

Но поздно. Она уже все увидела. И нож в груди мужа, и потеки крови, и его застывшее лицо...

– Жан-Франсуа, – жалобно проговорила она, – не надо, не умирай! Пожалуйста, не надо, любимый!..

Она кинулась к бездыханному телу. Фредерик схватил ее за руку, желая увести подальше от мертвеца... Но не успел он сделать и нескольких шагов, как девушка упала. К счастью, его хватка смягчила приземление.

– Марион, Марион! – кричал испуганно Фредерик, склонившись к ней.

– Обморок, – констатировала Мелани. – А ну-ка, мужики, взяли ее!

Повар с садовником подхватили девушку и направились прочь из кабинета.

– На диванчик несите! – семенила за ними Мелани. – Подалее отсюда, в гостиную...

– Нет, лучше в спальню! – вмешался Фредерик. – На кровать ее положите!

– Правильно, – согласилась Мелани. – Я пойду нюхательную соль поищу!

– Идите, – закивал секретарь. – Я пока вызову полицию. Этьен, – крикнул он вдогонку садовнику, – как только отнесете Марион, откройте ворота! Кристиан, вы обойдите дом, посмотрите, нет ли где следов взлома. А я осмотрю окна изнутри!

Кристиан кивнул и направился к выходу, а Фредерик вытащил свой телефон из кармана.

* * *

Реми разбудил ранний звонок. Не открывая глаз, он нащупал мобильный и быстро нажал на кнопку, чтобы трель не успела разбудить жену Ксению.

– Да? – тихо произнес он, выскальзывая из постели.

– Привет, камарад!

«Товарищем» его называл только один в мире человек: Ив

Ренье, комиссар парижской полиции.

Реми прикрыл за собой дверь кухни.

– Что там у тебя? – буркнул он, косясь на часы: восемь утра.

– Фигня у меня, причем полная... Закрытый со всех сторон кабинет, а в нем – труп. Никто не входил, дверь взломали домашние, окна целы. При этом у мужика нож в сердце. Мы весь вчерашний день провели на месте, а догадки ни одной. Ты любишь такие истории, я знаю. И твоя жена обожает. Так что дуйте-ка к нам в Версаль, ребята!

– А кто меня нанимает? – поинтересовался Реми, поскольку являлся частным детективом и работал за гонорары.

– За это не волнуйся. Речь идет о Жане-Франсуа де Ларю, писателе, знаешь?

Разумеется, Реми знал. Не читал, но имя было на слуху. В основном потому, что его ругали в прессе на чем свет стоит. Что не мешало каждому его новому роману расходиться бешеным тиражом.

– Издатель жаждет его последний шедевр, хоть и неоконченный, и готов платить большие бабки, лишь бы поскорее дело раскрыли и позволили изъять из компьютера рукопись...

– А ты тут при чем? Ты же за Версаль не отвечаешь?

– Да слишком громкое дело... Нас привлекли, – кратко отвечивал Ив Ренье.

Реми дотронулся до плеча Ксюши. Будить ее было жалко: она всегда спала так сладко, как спят дети и звереныши. Но и не разбудить ее он не мог: жена ему не простит, если он уедет без нее. «Камарад» был прав: Ксения обожала всякие таинственные истории!

Ему понадобилось всего несколько слов: «Запертая комната, в ней труп. Поедешь со мной?» – как Ксюша вскочила с постели, словно сна и не бывало.

Она собралась в рекордные 50 минут: 10 – на душ, 5 – на кофе, остальное на одевание и особенно на укладывание волос, густых и необыкновенно длинных. Даже для того, чтобы просто собрать их в хвост на затылке, требовалось немало времени...

Путь их лежал в окрестности Версаля, где находился дом знаменитого Жана-Франсуа де Ларю.

Добравшись до пункта назначения, Реми посигналил у высоких ворот, и створки разъехались. Погромыхав по булыжному покрытию дороги, он притормозил перед мраморной лестницей, ведущей к портику. К ним подошел «камарад», Ив Ренье, и пригласил проследовать в дом. Ксюша, воскликнув: «Сейчас, минуточку!» – кинулась к огромному цветнику, состоявшему исключительно из роз, и принялась разглядывать это чудо, жадно вдыхая аромат.

– Ксюша! – строго позвал ее муж.

– Иду, иду...

Какой-то человек, возившийся в куще розовых кустов, вдруг распрямился, срезал один цветок, ловко обтесал ножом колючки и протянул его Ксении. Благодарно улыбнувшись, она воткнула розу в волосы и направилась вслед за мужем и комиссаром в дом.

– Вот, – указал Ив Ренье на дубовую дверь кабинета в правом крыле дома, который, хоть Ксения пробежалась по его анфиладам бегом, успел поразить ее стариной и богатством.

В области ручки и замка зияла дыра. По словам комиссара, домашние их выбили, чтобы попасть в кабинет, где находился писатель, не подававший признаков жизни... И не зря беспокоились, так как писатель был убит.

Эксперты сняли отпечатки, сделали снимки, собрали пылинки-волоски-сопли-слюни еще вчера. Так что сегодня можно смело брать предметы в руки, разглядывать, переставлять.

Ив пояснил, указывая костлявым пальцем (он вообще был необыкновенно худ) по мере повествования, что месье де Ларю обнаружили вот здесь, на рабочем месте, за компьютером... В груди торчал нож, вот фотография. Писатель был уже мертв. Обитатели дома находились до этого момента снаружи: все друг друга видели, у всех алиби. А дверь была заперта на ключ, он так и торчал с обратной стороны выломанного замка.

– Ключ? Он закрывает только изнутри?

– Нет, снаружи тоже. Но дубликата ни у кого нет. Писа-

тель вполне осознавал коммерческую ценность своих опусов и никому не позволял входить в его кабинет. Даже стены велел отделать звуконепропускаемым материалом, так как на- читывал свои шедевры в голос.

– Пользовался программой распознавания речи?

– Типа того. Секретарю, – Фредерик его зовут, – хозяин отсылал файлы для приведения их в читабельный вид через домашнюю компьютерную сеть. Только жена его, Марион, несколько раз за время их совместной жизни удостоилась че- сти побывать в кабинете.

– А время совместной жизни?..

– Около года.

– У нее точно не было дубликата ключа?

– Даже если допустить, что наличествовал, то, во-первых, им не открыть снаружи, если другой вставлен в замок изнут- ри, а во-вторых, у нее полное алиби: с момента, как она вер- нулась в дом, к обеду, она все время находилась на глазах у остальных.

– Но должен же кто-то убирать тут?

– Мелани, горничная. Исключительно в присутствии хо- зяина и далеко не каждый день. Ему проще было терпеть пыль, чем присутствие посторонних в кабинете.

– Окна? – Реми подошел к тяжелому вишневому занавесу из бархата, отвел.

– Целы. И заперты были. Изнутри, на щеколды.

Ксюша тихо воскликнула. Реми посмотрел на нее вопро-

сительно.

– Потрясающе!.. – проговорила она чуть громче, немного смутившись. – Не в смысле, конечно, что писателя убили, а...

Понятно. Жenuшка радуется головоломной загадке.

– Отпечатки на ноже? – повернулся Реми к комиссару.

– Не поверишь, камарад! Его собственные!

– Как бы самоубийство?

– КАК БЫ. Ты же знаешь, что воткнуть себе нож в сердце – это не метод. К нему прибегают крайне редко, и чаще всего неудачно.

– Знаю, – кивнул Реми. – А как насчет потайного хода?

– Подумали, естественно. Вчера все мои парни упрели, простукивая полы и стены... Ничего не нашли.

– Ив, но если мы отмечаем самоубийство, – а мы с тобой его отмечаем, так? – то убийца должен был сюда как-то проникнуть!

– Или это все-таки самоубийство...

– Причины были?

– По свидетельству всех – нет. Молодая красавица жена, успех, деньги, новый роман на подходе, издатель сгорает от нетерпения... Нет причин! Хотя, если не найдем убийцу, придется считать, что это суицид.

– Насчет «красавицы жены» хорошо порыли? Не изменяла? Она намного моложе мужа, как я понял... Вдруг его разобрала тоска от ее неверности?

– Всех допросили. Никаких оснований подозревать ее в неверности нет.

– Какая у них разница в возрасте, если точно?

– Двадцать три года. Но ее муж очень богат... был. Иным женщинам секс заменяют денежки. Возможность купить на них тряпки и брюлики.

– Случается, – кивнул Реми.

– И не так уж редко, – заметила Ксюша.

– А мотивы для убийства?

– У всех поголовно. Начиная от прислуги и заканчивая женой: всем перепадает от его смерти по завещанию!

– Оно уже нашлось?

– Сегодня утром получили копию. Больше всех достается жене, затем секретарю: он приходится племянником покойному. Челяди по одному проценту с капитала, но капитал там зашкаливает за тридцать миллионов евро!

– Это у нас столько можно книгами заработать? – изумился Реми.

– Книгами он заработал примерно треть, вложил деньги в две компании, приносящие отличную прибыль.

– Слугам, выходит, по триста тысяч евро! Немалые деньги.

– То-то и оно. Для какого-нибудь садовника или горничной это огромное состояние! Так что мотивов тут – завались!

– Дети есть?

– Нет. Ни в этом браке, ни в предыдущем.

– Стало быть, оспаривать завещание некому³... А что в компьютере, смотрели?

– Выдержали вчера небольшую драчку с издательством, которое норовило изъять текст романа... Права, мол, ему принадлежат, и никто не должен прочитать шедевр раньше, чем его опубликуют. Собираются руки нагреть на смерти Ларю, понятное дело! Адвокатов своих сюда нагнали с утра – те чуть грудью не ложились на компьютер! Короче, его только что забрали наши спецы, будут изучать.

– Если что интересное найдут...

– Я тебе сообщу.

– Между прочим, коль скоро он начитывал текст вслух, а программа печатала, то он мог что-то произнести, когда увидел своего убийцу! И программа должна была эти слова запечатлеть!

– Я тебе сообщу, – повторил комиссар, кивнув. – А мысль хорошая.

Реми все это время внимательно изучал обстановку кабинета, трогал шкафы, шторы, даже под письменный стол заглянул.

– Ищешь, где убийца мог спрятаться? – усмехнулся Ив Ренье.

– Да... А потом, под шумок, во время общей паники, выскользнуть отсюда.

---

³ По французским законам, дети являются наследниками в обязательном порядке: вне зависимости от воли завещателя.

– Сам видишь, что негде. Шкафы только книжные, место под письменным столом, между двумя тумбами, просматривается прямо от входа... Только за шторой мог, но слишком много народу тут было, не выскользнул бы незамеченным! Когда все разошлись кто куда, здесь остался Фредерик, секретарь. И первым делом проверил окна. Их два, как видишь, разделенных тонким простенком, – но шторы общие. Фредерик бы наткнулся на убийцу... И потом, как бы он сюда попал, вот в чем вопрос?! Если все домочадцы находились за дверью, то это мог быть только посторонний. А тут заборы, видеонаблюдение. Мы уже посмотрели записи: никто не перелезал через забор!

– А камеры покрывают весь периметр?

– По правде сказать, нет. В обзоре есть «слепые места». Но надо же было не только через забор перебраться, а и в дом пройти, и, главное, в кабинет!

– А ночью?

– Настырный ты, камарад! Я ж говорю: второго ключа ни у кого нет. Ну ладно, допустим, кто-то сумел сделать копию. Да только по ночам дом надежно запирается и ставится на сигнализацию!

Ксюша посмотрела на мужа: неужто тупик?

– Хорошо, понял. Дай мне время, Ив, поискать тут.

– Потайной ход? – с легкой насмешкой спросил комиссар.

– К примеру, – кивнул Реми.

У Реми был друг в России, Алексей Кисанов. Да не просто

друг, но и коллега, частный детектив. Да не просто коллега, но и почти родственник, поскольку женат он был на старшей сестре Ксении.

Так вот, Алексей, – друг, коллега и почти родственник, – не так давно попал в очень любопытную переделку: в подмосковном особняке (у русских это называется «дача») пропал московский комиссар полиции. Из дачи он не выходил, откуда Алексей сделал единственно возможный вывод: в доме есть потайной ход. Который никак не находился, несмотря на усилия многих полицейских... Но Алексей свято верил в логику, а она говорила: раз комиссар пропал, но при этом не вышел из дома, – значит, существует иной способ его покинуть!

И он его все-таки нашел!⁴

Реми тоже свято верил в логику. И раз никто не мог войти в кабинет, чтобы убить писателя, – стало быть, в нем должен существовать потайной ход! Пусть вчера полицейские все обследовали, пусть ничего не нашли; но чудес-то не бывает! Должен же был убийца как-то попасть сюда!!!

А в самоубийство Реми не верил, как и Ив. Ткнуть себе нож в сердце – сложно, больно, ненадежно. Только последние придурки выбирают подобный способ. Да и то, по словам «камарада», оснований для суицида у писателя не имелось!

Так что остается потайной ход.

---

⁴ Подробнее об этом читайте в романе Т. Гармаш-Рофффе «Вторая путеводная звезда», издательство «Эксмо».

Комиссар покинул их с Ксюшей с выражением скептической иронии на лице.

Ну и пусть его! Реми дал жене инструкции: проверить любую выпуклость на предмет рычага, – и они приступили к тщательному осмотру комнаты.

Провозились они полтора часа.

Ничего не нашли.

Реми вернулся к окнам, снова изучил их: нет, снаружи их не открыть. А на момент преступления окна были закрыты: это подтверждали и Фредерик, и Кристиан.

И дверь была заперта: это подтверждали все!

Реми встал посреди кабинета, осмотрелся: что они могли пропустить? О чем не подумали?

И вдруг бросился к камину.

За решеткой лежала пластиковая имитация тлеющих углей. Реми не удивился: он не раз сталкивался с тем, что люди предпочитают бесхлопотную электрическую имитацию (они нынче столь совершенны, что не сразу разберешь, настоящие ли угли тлеют и переливаются жаром в камине или подделка!). В данный момент она не была включена, отчего горка темного пластика казалась похожей на большую коровью кашку. Реми ее вытащил, положил на пол и ступил на освободившееся место, вглядываясь в дымовой ход... Но просвета в трубе не увидел.

Взяв фонарик из своей рабочей сумки, он вернулся обрат-

но, осветил...

Труба была перекрыта листом стали. Целым и невредимым.

– Что? – встревоженно спросила Ксения, наблюдавшая за действиями мужа.

– Ни-че-го. Каминном не пользовались. Труба перекрыта. Через нее никто не мог сюда попасть.

– А если человек все же вылез через трубу, а потом поставил заслонку на место?

– Ты не представляешь, как это сложно...

– Сложно – невозможно? Или сложно, но возможно?

Реми посмотрел на жену.

– Пошли на крышу.

...Не тут-то было! Треугольная пирамида, крытая, как и вся крыша, графитового цвета черепицей, требовала альпинистского снаряжения. Таких пирамид имелось три над особняком: побольше по центру, и две, поменьше, по бокам. Одна из боковых пирамид как раз возвышалась над кабинетом, и в ее черно-сером боку имелась каминная труба, – как, впрочем, и в двух других. Но подступиться к ним мог только профессиональный трубочист.

Из этого следовало, что убийца, если только он не являлся альпинистом или профессиональным трубочистом, тоже не сумел бы пробраться на крышу. А с учетом того факта, что каминная труба перекрыта куском стали...

Реми прикинул картину: вот убийца забрался на крышу при помощи специального снаряжения, и это среди бела дня. Причем крыша имеет неприятное свойство грохотать... И это тоже среди бела дня, когда во дворе мельтешат садовник и вуатюрье.

Далее этот предполагаемый убийец не просто лезет в трубу, но сначала вытаскивает из нее кусок стали. Тут уж не только грохот, слышный с улицы, – тут уже шум, который обязательно должен был долететь до слуха писателя!

А если бы он это сумел проделать ночью, то грохот поднял бы на ноги весь дом!

Развиваем картину дальше. Если бы убийец-труболаз приземлился в камин, то он бы непременно въехал ногами в пластиковую «какашку» и повредил ее... Тогда как на ней нет ни следа!

И последнее. Поза писателя, получившего удар ножом в сердце, не выдавала никакой тревоги. Он не повернулся в сторону камина, да и ни в какую иную сторону! Фотографии, которые представил детективу комиссар, недвусмысленно об этом свидетельствовали. Жан-Франсуа де Ларю спокойно сидел за своим письменным столом и, даже мертвый, будто смотрел, прикрыв немного глаза, в экран компьютера, где жил и обростал новыми словами его последний роман, приближаясь к финалу...

Реми поделился своими соображениями с Ксюшей.

– Не понимаю... Тогда самоубийство, что ли? – спросила

Ксения.

– Выходит, что да... – развел руками Реми.

– Но как же тогда он решился сам себя ножом в сердце? Дикий какой способ... Надо ведь сильно себя ножом ударить, чтобы он через ребра прошел! У любого нормального человека рука бы дрогнула! И потом, причин у него не было...

– Или мы их пока не знаем?

Реми позвал комиссара и с примесью досады отчитался о своих открытиях... Точнее, о неоткрытиях.

Тот выслушал сыщика с легким выражением торжества (ему было бы неприятно, если бы детектив, хоть и хороший приятель, обнаружил что-то такое, чего не сумели найти его парни!) и предложил Реми пообщаться с обитателями дома.

– А ты что так сияешь, Ив? – вредным голосом спросила Ксюша. – Радуетесь, что мы ничего не нашли, что ли?

Ксения иногда бывала прямолинейна – это ее русское воспитание (как полагал Реми), не всегда вписывающееся во французский этикет, Реми уже не раз сталкивался с ним. Но ему частенько это бывало выгодно: Ксюша таким образом ухитрялась иной раз расставить все точки над *i*.

– Так... Чего... – немного растерялся комиссар. – Мне было бы и впрямь обидно, если бы оказалось, что мои ребята плохо сработали!

– А зачем нас позвал тогда? – продолжала вредничать

Ксюша. – Если твои ребята такие молодцы, так зачем...

– Ксю, остынь, – произнес Реми.

– С какой стати? – возмутилась Ксюша. – Звать нас на помощь и радоваться, что не помогли, – ну разве не свинство?!

Ив Ренье ослабился в улыбке.

– Противоречивость человеческой природы, милая Гзенья!

Если вы ничего не найдете, то я буду радоваться, что мы сами не дураки! Если найдете – буду радоваться, что помогли нам!

Ксюша одарила его мрачным взглядом в ответ.

– Где я могу провести опрос домашних? – деловито спросил тему Реми.

– В гостиной. Нейтральная территория. С кого предпочитаешь начать: с прислуги или с жены? Они тут все, ждут.

– С прислуги, – ответил Реми и, прихватив Ксюшу за руку, направился в означенное помещение.

Реми доверял той работе, которую провели комиссар и его люди. А она сводилась к двум противоречивым утверждениям:

1. Мотивы есть у всех (в виде завещания).

2. Но и алиби есть у всех.

Кто-то иной убил знаменитость, не из домашних? В этом варианте раздолье для мотивов: и конкурент, и завистник, и по двум компаниям писателя можно что-то накопать, без сомнения! Да только и эта линия упиралась в один, но мощный тупик: КАК ВОШЕЛ ПОСТОРОННИЙ ЧЕЛОВЕК В

КАБИНЕТ?! И КУДА ПОТОМ ДЕЛСЯ?

Что можно нарыть в беседах с персоналом особенного – такого, что упустил комиссар, – Реми не представлял. Однако он прекрасно знал, как любой опытный сыщик, что иной раз важное содержание открывается только на третье-пятое прослушивание уже известных фактов. Вот почему он согласился на собеседование с обитателями дома, хотя и успел прочитать все протоколы допросов.

Первой была Элоди, «грязная» уборщица.

– Они там все притазились на кухню... Я хотела выпить чашку кофе перед уходом, но Жака, повара, задержали! Им почему-то всем захотелось кофе! Обед-то задерживался – работники обедают после того, как подадут хозяину, а он никак не выходил из кабинета. Вот они и столпились на кухне. Ну, я посмотрела-посмотрела и пошла домой. В конце концов, мне тут недалеко, и кофе у меня дома тоже водится!

– До того, как поднялась паника?

– Да.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вы в самом деле ушли?

– Кристиан, наш вуатюрье, видел. А если бы и не видел, так что? Неужто вы думаете, что я хитрым образом вскрыла дверь кабинета, пробралась к хозяину и зарезала его? А потом снова закрыла дверь и отправилась домой? Не, ну у вас как с головой-то? У меня ни возможности такой не было, ни

интереса!

Она очень грамотно рассуждала, Элоди. Вскрыть кабинет можно было только вторым ключом, тогда как, по дружному утверждению всех людей, входящих в дом, такового не вошло в природе. Да и мотива у Элоди не просматривалось (помимо общего для всех слуг в виде наследства): к хозяйну она никаких чувств не питала, ни положительных, ни отрицательных. В этот дом Элоди приходила *работать*, после чего спешила в свой дом: к мужу, детям, внукам...

– Мог ли хозяин подозревать свою жену в неверности? Мы пока не исключаем возможность самоубийства... Мало ли, на почве любовных страданий.

– Неверности? Достаточно только посмотреть на них обоих – на жидкое тело Жана-Франсуа и стройное, молодое Марион, – как мысли о неверности сами прыгают в голову, честно скажу! Однако я ничего такого не видела, грех на душу брать не буду. Девушка старательно вела себя как положено любящей жене.

– Но вы не верите в ее искренность?

– А я вам чего, психолог, чтобы разбираться? С виду была нежная, заботливая. А что там у нее на уме, то мне неизвестно.

– Но вы ведь сказали, что стоило только посмотреть...

– Так это на мой вкус! Рыхлый мужик, немолодой, – и не старый, конечно, – но возьмите нашего садовника, Этьена: они ровесники с хозяином, так Этьен хоть куда, мускулистый, подтянутый, стройный! А Жан-Франсуа – тюфяк, мяг-

кий и противный. По крайней мере, если бы я была на месте молодой женщины, то вряд ли бы его любила.

– То есть, по-вашему, Марион мужа не любила?

– Да откуда мне знать?! Я о себе говорю. Может, Марион ум его нравился или слава его... Иные барышни в таких уродах влюбляются лишь только потому, что они кажутся им умными или гениальными... Это не моя стихия. Мне от мужика нужно крепкое тело, в постели и в хозяйстве. А умная я сама, мне вполне хватает! – она захохотала.

...Мелани рассказала уже известное. Заодно подтвердив, что Элоди ушла до того, как остальные забеспокоились о хозяине. Подтвердила она и то, что иного ключа от кабинета ни у кого не имелось: сама Мелани убирала в святая святых только в присутствии хозяина.

– Когда вскрывали кабинет, вы все были вместе?

– Все!

– Точно помните?

– Куда уж точнее!

Реми спросил насчет отношений супругов и ответ получил примерно такой же, как от Элоди: разница в возрасте большая, но молодая жена вела себя в рамках приличий, хоть все мужчины в доме шеи сворачивали, на нее глядячи.

Где да с кем она бывала в городе, то никому не ведомо, но хозяин не беспокоился, доверял жене. К тому же Марион выезжала обычно по утрам, а вторую половину дня всегда

проводила с мужем, будь то дома или на приемах... И ночи тоже с мужем, в общей спальне.

– Вы уверены насчет ночей? У вас сон крепкий?

– Не жалуюсь. Но по ночам двери запирает хозяин на четыре ключа, два из которых есть только у него. И сигнализацию включает. Так что не выбраться отсюда ночью никому.

Реми счел, что Мелани изо всех сил объективна: она почти сумела скрыть зависть к красавице-хозяйке. Видимо, и впрямь Марион не давала поводов себя оговорить...

Кристиан. Те же показания. Начиная с момента, когда возникло первое беспокойство, и вплоть до вскрытия двери кабинета все обитатели дома находились на глазах друг у друга. Кроме Элоди.

Да, Кристиан подтверждал ее уход.

К тому же вчера полиция опросила домашних Элоди: вся семья дружно свидетельствовала, что она явилась домой спустя полчаса после ухода из особняка. Полчаса, которые и занимал пеший путь до ее дома в деревне.

Ладно, допустим, что домашние сговорились и лгут. А на самом деле Элоди, допустим, вышла за ограду писательского дома, а затем вернулась... И что?! В кабинет-то она попасть никак не могла, вот в чем фокус!

На вопрос об отношении вуатюрье к Марион тот ответил коротко: «Роскошная телка. Но меня больше интересуют машины».

Если бы эта «роскошная телка» имела с ним отношения, он ни за что бы так о ней не отозвался. Ясно: молодая женщина дразнила его воображение... Тем больше, что была ему недоступна.

Садовник Этьен тоже подтвердил алиби домашних: все находились ПЕРЕД дверью кабинета на момент ее вскрытия. Кроме Элоди, что уже известно. Его отношение к хозяйке: «прелестный цветок».

Нет, Этьен не предполагал, что у хозяйки были шашни с кем-то из мужчин в доме. Секретарь, Фредерик, явно сох по красавице, но Марион вела себя с ним исключительно по-дружески. Случалось им беседовать наедине, этим двум молодым людям, – и как раз в саду. Отчего садовник иной раз разговоры краем уха слышал: невинные разговоры, о кино там или о книжке...

Повар, Жак, – тот и вовсе ничего не знал не ведал за пределами своего кулинарного царства. Он мог рассказать, как часто навещалась Марион к нему на кухню и он радовался ее приходам, потому как хозяйка держалась запросто. А кто там на нее смотрел, да на кого она смотрела – это не попадало в сферу его интересов. Он больше смотрел, как оценивают его блюда!

Фредерик. Еще одно подтверждение тому, что все обитатели дома, кроме Элоди, были перед дверью и никто не мог

находиться в этот момент в кабинете.

Элоди? Да бог с вами, эта матрона, мать, супруга и бабушка своим внукам – ну разве можно ее представить в роли хитрой преступницы, проникающей за закрытые двери!

Марион? Чудесное существо...

Влюблен? Кто вам это сказал?! Да, я очарован ею... но она жена моего дяди! Я не мог позволить себе чувства, абсолютно неуместные в данной ситуации!

– А в другой ситуации? – поинтересовался Реми.

– Влюбился бы, конечно... – простодушно признался Фредерик. – Но не в доме моего дяди!

– С вашей точки зрения, у нее есть любовник?

– Да вы что! – возмущенно проговорил Фредерик. – Марион – это сама чистота... Верность... Нежность...

– На зависть, а? – поддел его детектив.

– На зависть, – серьезно согласился Фредерик. – Но она дядина жена... была. Я никогда бы не позволил своим чувствам дойти до той точки, в которой... – он запнулся. – В общем, я восхищался ею издали.

– А вот садовник ваш свидетельствует, что вы иногда с ней общались в саду, вдвоем.

– Мы? А, да, иногда бывало... Но мы о литературе говорили... или о фильмах... Этьен подслушивал наши разговоры?!

– Не подслушивал, а слышал... Так он говорит, – кивнул Реми.

– Тогда он должен вам подтвердить, что мы просто... Ничего такого, ничего личного...

Он смутился.

И, наконец, Марион.

Ксюша, сидевшая поодаль, но так, чтобы слышать беседы мужа с обитателями дома, вспомнила стихи: «А сама-то величава, выступает, будто пава. А как речь-то говорит, словно реченька журчит. Молвить можно справедливо: это диво, так уж диво...»

Реми, конечно, сказок Пушкина не знал, но тоже отметил, хоть и словами попроще, что молодая женщина необыкновенно – причем нестандартно – красива. В свои тридцать три она выглядела очень юной, и дело не просто в свежести черт, а в том непосредственном и немного наивном выражении, которое сохранилось на ее лице. Казалось, жизнь ее так баловала, что она до сих пор смотрела на нее радостным и удивленным взглядом шестнадцатилетки... Но с этой непосредственностью сочеталось необыкновенное достоинство, сквозившее даже в ее походке. Так ходят женщины, знающие себе цену... Цену своей красоте... Коммерческую цену.

Так что выражением некоторой наивности Реми сразу же пренебрег.

Он задал ей уйму вопросов, потихоньку подбираясь к главному: могла ли Марион изменять мужу. И если да, то сумел ли Жан-Франсуа об этом прознать. В конце концов, если

писатель решился на самоубийство, то причина могла быть только одна: неверность горячо любимой и слишком молодой для него жены...

Марион отвечала с величавостью, которой могла бы позавидовать любая королева. Жана-Франсуа она любила, он гениален, и разница в возрасте не имела значения... Наследство и того меньше: ей прекрасно жилось с мужем, который ее баловал, потакая всем ее капризам... И никакого смысла желать смерти человеку, который любил ее, которого любила она, у нее не имелось...

– Более того, – вдруг добавила Марион, чуть улыбнувшись, – я немного тщеславна, каюсь... Как все женщины. И мне куда интереснее быть женой известного писателя, чем его вдовой... Больше к нам никто не придет домой брать интервью!..

Ввиду такого неожиданного признания Реми обернулся на Ксюшу. Та потеряла три пальца между собой – русский жест, непонятный, к счастью, французам и означавший деньги.

– Но вы стали наследницей довольно большого состояния, – проговорил Реми.

– Стала... – откликнулась красавица. – Но у меня и так было все! Знаете, пойти купить самой себе кольцо с бриллиантом – это совсем не в кайф! Куда приятнее, когда муж покупает тебе его в подарок! Понимаете, о чем я?..

Реми понимал. При этом затылком чувствовал, что Ксю-

ша не согласна. Но снова посмотреть на жену не рискнул: Марион ведь видела и Ксению, и как Реми на нее оборачивается...

– Так ты его любила? – вдруг спросила Ксюша.

Марион вскинула свои светло-карие с прозеленью глаза – во Франции такие называют «ореховыми» – на Ксению.

– Конечно! – ответила вдова.

– Почему же ты не плачешь? Если бы убили моего мужа, я бы...

– При чем тут вы?!

Ксюша не ответила, чуть улыбнувшись.

Марион, кажется, собралась возмутиться, но передумала.

– Слезами, мадам, Жана-Франсуа не вернуть... – произнесла она печально.

– К тому же они портят цвет лица... А?

Марион покачала головой с выражением осуждения бестактности Ксении.

– У вас ко мне еще есть вопросы? – перевела красавица взгляд на Реми.

– Пока нет.

И пава выплыла из гостиной.

Реми с Ксюшей вышли во двор.

– Ты ей не веришь? – удостоверившись в том, что никого поблизости нет, спросил жену детектив.

– Нет.

– Интуиция? Или что-то посущественней?

– Я не знаю, как тебе объяснить... Давай так: если бы ты умер...

– Мне такое начало не нравится.

– Я не смогу иначе объяснить!

– Ну, ладно, продолжай.

– Если бы ты умер и кто-то спросил меня: ты его любила? – я бы разревелась. А если бы все же что-то смогла произнести, то закричала бы: «Да! Я его любила!» Но не «конечно». Это безликое слово. В нем нет чувств!

– Откуда ты это знаешь, Ксю? А если вы просто разные люди? Люди ведь разные, ты согласна?

– Разные... Но не до такой степени. Знаешь, в чем ошибка тех, кто верит лжи?

– В чем?

– В том, что они слишком много места отводят предполагаемой разности, слишком уважают ее. Они не ставят себя на место этого человека, не сравнивают его реакции со своими, и напрасно! Разность есть, безусловно, но она совсем не так велика, как многие думают! Пусть не слезы, ладно, – я могла бы понять глухое молчание, могла бы понять сдержанное рыдание, могла бы понять даже бредовый ответ! Но такой разумный, как «конечно», – нет! Это ложь. Она его не любила.

– Ксю...

– Верь мне, Реми.

– Я не могу следовать твоим доводам... я их не понимаю.

– Просто поверь. Я не ошибаюсь.

Реми подумал несколько секунд.

– Хорошо, – произнес он. – Но Марион не могла убить своего мужа! Она вместе со всеми была за дверью!

– А мы вопрос о самоубийстве совсем сняли?

– Не совсем...

– Но других версий у нас нет?

– Нет.

– Я могу только одно сказать: Марион мужа не любила.

Теперь, если верить его романам...

– Ты их читала? – подивился Реми.

– Да, – кивнула Ксюша. – Несколько, из любопытства. Судя по ним, Ларю был человеком сентиментальным, очень чувствительным... Откуда и его бешеная популярность среди женщин-читательниц. Критики не любили его именно за эту сентиментальность, но они ошибались в одном: он не был расчетливым манипулятором, как писали иные. Скорее просто не особо проницательным... Он и в самом деле верил в те красивые грезы, которые ложились в основу его сюжетов! Поэтому и в любовь своей Марион поверил, – иначе как бы он на ней женился? Но позже он должен был почувствовать, что красавица вышла замуж за него по расчету!

– Ты мне даешь мотив для самоубийства?

– Кажется, да... Хотя сама в него не верю.

Реми помедлил с ответом.

– Не пойдет, Ксю. Чувствовал он расчет Марион или нет, но для самоубийства нужен был конкретный толчок! Например, он получил на руки доказательства неверности жены. С фотографиями или видеозаписями. Тогда да, это шок. Но по свидетельствам трех человек, которые видели писателя утром, до того, как он заперся в кабинете, – повара, секретаря и Марион, – он пребывал в обычном настроении. Даже приподнятом, поскольку собирался закончить роман не сегодня завтра!

– А что, если он получил в тот же день сообщение по электронной почте? После того как заперся в кабинете?

– Мы это скоро узнаем, камарад, – послышался голос комиссара позади них.

Они обернулись. Ив направлялся к своей машине.

– Как только будут результаты, поставлю вас в известность! Но вряд ли раньше завтрашнего дня!

– Почему? – удивилась Ксюша. – Просмотреть содержимое компьютера можно за пару часов!

– Запротоколировать это содержимое, сделать распечатки, поставить подписи... Это требует времени, ма шер Гзенья!

– Бюрократы!

– Совершенно верно! – хохотнул комиссар и забрался в машину с надписью «Police».

Посреди ночи Реми вдруг рывком сел на кровати. Ксюша

пошевелилась, перевернулась на другой бок... И вдруг тоже села.

– Что, что такое?

Слабый свет, попадавший в щель между занавесками, делал лицо Реми на две половины, черную и белую, словно на нем была маска. Да еще этот застывший взгляд, устремленный в стену напротив...

– Реми, – Ксюше стало не по себе, – что случилось?!

– Я понял... Ксю, я догадался! Они просто все сговорились! Вот почему у них у всех алиби! Они все сговорились, как в «Восточном экспрессе»! А на самом деле они выбили замок, вломились к писателю и убили его!

Ксюша опустила голову на подушку и прикрыла глаза.

– Завтра, а? Давай завтра? Я спать хочу... – пробормотала она.

И тут же вскочила.

– Они ВЛОМИЛИСЬ? Реми, вспомни фотографию трупа! Он сидел за компом, спокойный такой... Ты представляешь, что отразилось бы на его лице, если бы к нему вдруг вломились ВСЕ?!

Ксюша вскоре уснула, а Реми ворочался-ворочался, пока не встал и не ушел на кухню... Где просидел почти до рассвета, пытаясь выстроить хоть какое-то подобие логики. Ксения права: если бы к писателю вломились все, то на лице мертвеца непременно бы отразилось недоумение, а то и испуг. Или

даже – если допустить стговор – только один из них: Жан-Франсуа изумился бы, насторожился, и это запечатлелось бы на его лице! Не говоря о том, что он бы попытался оказать сопротивление! Тогда как экспертиза уже произнесла свой вердикт: никаких следов сопротивления!

...Все упиралось в ключ, будь он неладен! Существовал бы второй, так хоть можно было бы строить догадки... Но все в один голос заверяли, что второго ключа не существует. Выходит, писатель так-таки сам себя зарезал?!

Однако статистика – вещь упрямая, как известно. И говорила она о том, что способы самоубийства с помощью ножа сводятся чаще всего к перерезыванию вен... Реже к тычку в горло. Но самому себе в сердце?!

– Радуйся, камарад!

Комиссар разбудил Реми, только заснувшего на рассвете, звонком.

– Чему? – с трудом разлепил губы детектив, покосившись на будильник: девять утра. Выходит, спал он всего три с небольшим часа... Голову будто набили старой лежалой ватой. Ксюши рядом нет – кажется, она на кухне, учитывая доносящийся оттуда звон посуды.

– А вот тому: нашли мы в электронной почте гения компромат на его жену!

– Какой?

– Фотографии с женщиной... Приезжай к нам, я тебе по-

кажу.

Ив отключился.

– Ксю! – жалобно позвал Реми. – Ксю, сделай мне кофе, а?

Через час с небольшим они уже сидели в комиссариате, рассматривая увеличенные снимки, на которых Марион обнималась с молодым и весьма привлекательным мужчиной.

Снимков было четыре, а текст письма, который им сопутствовал, гласил: «Вот чем занимается ваша жена в городе, пока вы творите ваши романы!»

Город – это Версаль. Фотографии сделаны на улице, на фоне кафе. Качество довольно низкое – снимали, скорее всего, не фотоаппаратом, а мобильным телефоном.

– У меня есть мысль, – сообщил Ив. – Писатель нанял частного детектива, сомневаясь в верности молодой женушки. И тот прислал ему компрометирующие фотографии. Поехали, навестим вдову!

– На дуру она не похожа, – заметила Ксюша.

– При чем тут? – приостановился Ив Ренье.

– При том, что обниматься с любовником на виду у всех было бы слишком глупо и неосторожно! Если уж она и завела романчик на стороне, то не стала бы демонстрировать это всем прохожим! Версаль – город маленький, многие знают, что вилла Жана-Франсуа де Ларю находится в окрестностях и что у него молодая жена...

– Откуда отправлено письмо? – спросил Реми.

– Из интернет-кафе. Я уже откомандировал туда людей: вдруг хозяин вспомнит, кто у него сидел пять дней назад вечером.

– Письмо датировано...

– Ну да, за три дня до его смерти!

– Что-то тут не вяжется, Ив, – произнес Реми. – Частный детектив проследил бы за ними и сумел бы заснять куда более интимные сцены, если они имели место быть, конечно.

– А если это не частный детектив, то адрес электронной почты Ларю не раздается направо и налево, как ты можешь представить! – возразил комиссар. – Допустим, сфотографировал их случайный прохожий, который знает, кто такая Марион. Но где бы он адресок писателя отыскал?

Тоже верно, подумал Реми... Но все равно, что-то тут не вязалось!

– Если Ларю получил этот компромат на жену пять дней назад, то почему он руки на себя наложил лишь позавчера? – высказалась Ксюша. – Самоубийство – это акт импульсивный. Увидел – и впал в отчаяние... И тут же покончил собой!

Комиссар и Реми переглянулись. Ксения была в какой-то степени права... Но в жизни все обычно сложнее. Не всегда решения бывают импульсивными. Случается, что люди их вынашивают, и побольше, чем три дня!

– Ну, поехали к вдове! – согласился Реми. – Посмотрим, что она скажет.

– Это мой одноклассник, – улыбнулась Марион. – Я родом из Дижона, а тут вдруг такой подарок: встретить товарища по лицу на улицах Версаля! Естественно, я обрадовалась. Мы обнялись и расцеловались.

– Имя? Фамилия? – строго поинтересовался комиссар.

– Пожалуйста: Николя Андрэ. Он живет и работает в Версале уже несколько лет, сейчас я вам его визитку принесу, он мне дал...

Комиссар покрутил в руках атласный кусочек картона и сунул его в карман. Он, конечно, наведается к этому Николя, но сдавалось ему, что Марион сказала правду.

– А кто мог вас сфотографировать? Вы никому не позировали?

– Нет, конечно! Случайная встреча... Вернее, не совсем: я его на «Фейсбуке» увидела, написала ему, предложила увидеться. Вот он и пришел. Мы посидели около часа в кафе – вспомнили детство...

– И потом... Потом вы расстались? Ничего... ничего такого не было?

– Не было, – осияла их понимающей улыбкой Марион.

– Так кто же мог вас сфотографировать? Кто мог знать о вашей встрече?

– Не представляю... – пожала она точеными плечиками.

– Этот фотограф, кем бы он ни был, отправил снимки вашему мужу. Как он мог найти электронный адрес писателя?

– Господин комиссар, я не занималась делами своего су-

пруга. Спросите лучше Фредерика.

Комиссар последовал ее совету. Фредерик о встрече Марион с одноклассником, по его словам, вовсе не знал. «Кто я такой, чтобы меня посвящали в личную жизнь?» – воскликнул он с некоторой горечью.

Что же до адреса писателя, то на каких-то литературных сайтах или форумах его можно, наверное, откопать, предположил секретарь...

– Что скажешь, камарад? – спросил комиссар Реми, когда они вышли из особняка.

– Либо эти снимки сделал и отправил писателю какой-то кретин... Либо тут все куда хитрее. Ведь хочешь не хочешь, а фотографии выглядят компрометирующе и могли послужить мотивом для самоубийства писателя. Ксения вон говорит, что он был человеком чувствительным, сентиментальным...

– Не проще ли ему было спросить свою жену об этих снимках? Она бы рассказала ему про одноклассника!

– Некоторые люди устроены так, что почтут ниже своего достоинства задавать вопросы... Будут молча страдать, вместо того чтобы проверить, спросить.

– Проще руки на себя наложить?

– Ты разве никогда с подобным не сталкивался?

– Сталкивался, конечно, но то были люди с низким интеллектом, ограниченные.

– Ив, я не психолог, но, на мой взгляд, это какие-то сложные и глубоко заправятанные в подсознании механизмы. Раз человек так легко верит в измену, значит, сидит где-то у него в подкорке готовность к ней...

– То есть у него заниженная самооценка, – заявила Ксения. – Она формируется в раннем детстве, и даже очень умным людям не всегда удается вытащить из подсознания эту занозу!

Комиссар качнул головой, будто удивляясь странностям человеческой природы.

– Так что, остановимся на самоубийстве? – спросил он.

– Я бы ответил «да», если бы не столь дикий способ...

– А если это своеобразная месть жене? Чтобы помучилась в угрызениях совести?

– Исключить подобный расклад нельзя.

– Камарад, начальство скоро сожрет меня с потрохами. Требуют быстрого раскрытия! Известная личность и все такое! Ты мне прямо скажи: самоубийство прокатит?

Реми задумался.

Ксюша его тихонько тронула за руку. Он знал, что она имеет в виду.

– Нет. Точнее, я не исключаю... Но давай еще немного поищем, Ив?

– Мерд!⁵ – выругался комиссар.

---

⁵ Дословно «дерьмо», но употребляется, помимо прямого назначения, и в тех случаях, когда мы восклицаем «черт» или «блин».

– А убийцу оставить на свободе не «мерд»?

Комиссар посмотрел на детектива.

– У тебя хоть какая-нибудь зацепка есть?

– Нет... – признался Реми. – Вернее, есть одна догадка...

Но ее нужно проверять и проверять!

– Скажи все-таки.

– Ну ладно... Вот какая у меня мыслишка завелась: *это коллективный сговор*. Только все упирается в запертую комнату... И потом, лицо писателя выглядит совершенно спокойным, – вряд ли бы он сохранил спокойствие, если бы к нему вломился весь коллективчик его домашних!

– Погоди... В этом что-то есть, камарад! Неплохая идея, совсем неплохая! Между прочим, писатель мог сам открыть им дверь, а взломанный замок они изобразили потом, после убийства!

– Но ведь он никого не пускал к себе в священные часы работы!

– Мало ли, что они ему наплели... Допустим, достучались до него или секретарь дозвонился ему по телефону. По мнению нашего патологоанатома, смерть наступила в пределах часа до приезда полиции! А мы там появились через двадцать минут после вызова! Смотри-ка, как могло быть: Ларю уже заканчивал свою работу и потому включил телефон. Секретарь ему дозвонился и что-то наплел...

– Когда у писателя день рождения? – спросил Реми.

– Зачем тебе? – удивился комиссар.

– Вдруг они все заявили под предлогом поздравления...

– Дело говоришь! Не помню дату, погоди.

Комиссар позвонил кому-то из своих подчиненных.

– Нет, уже был, в апреле, а сейчас июнь... Да мало ли какой предлог они могли придумать! Им важно было в кабинет попасть!

– Просить дружно прибавки к жалованью, к примеру, – заметила Ксюша.

– Вот-вот, – обрадовался Ив Ренье, – чем не повод? Писатель их пустил без всякого страха. А один из них, улучив момент, ударил его ножом в сердце! Ларю даже удивиться не успел! А потом, поскольку они не могли запереть комнату изнутри, выходя из нее, то они устроили нам это представление с выбитым замком! – Комиссар невероятно оживился, даже разругался. – Ты гений, Реми, я знал, что не подведешь!

– А что у тебя по отпечаткам? – вместо ответа спросил Реми.

– Есть секретаря, жены и домработницы, как ее, Мелани. Еще один, но явно старый, полустертый, – Кристиана. Он сказал, что как-то ящик в письменном столе хозяина чинил. Похоже на правду: отпечатки именно на этом ящике.

– Остальные, выходит, ни к чему не прикасались... – заметил Реми. – Не в перчатках же они заявили!

– Ну да. Зачем им в перчатках? Они просто вошли, составили массовку... А Мелани, Марион и Фредерик имели пра-

во входа в кабинет! Могли и притронуться к чему-нибудь, для них отпечатки не имели значения, их там и так полно! Кто-то из них и убил писателя!

– Но на ноже отпечатки самого Ларю... Из чего следует, что убийца был в перчатках. А потом приложил руку писателя к рукояти! И ты думаешь, что писатель не забеспокоился бы, увидев кого-то из челяди – пусть не всех – в перчатках?

– Ну... мало ли, надел в последний момент! Или просто стер свои перед тем, как вложить нож в ладонь Жана-Франсуа!

– А фотографии? – поинтересовалась Ксюша. – Кто из них мог следить за Марион и сделать снимки? Ведь все они заняты своими делами в то время, когда Ларю работает!

– Если это действительно сговор, – Реми сделал ударение на слове «действительно», – то они могли по общему согласию откомандировать одного из людей на слезку... Даже нет, погоди! Если считать, что в сговоре все, – то тогда и Марион! В таком случае она могла специально договориться с этим одноклассником, чтобы потом полиция нашла в компьютере Ларю снимки и заключила, что это самоубийство!

– А почему ты так это произнес: «действительно», а, Реми? Это ведь твоя идея! Ты что, в нее теперь не веришь? – вдруг спросил комиссар.

– Нет, почему же... В нее весьма неплохо укладывается сцена, которую мы общими усилиями нарисовали... Стройно получается! Только как это доказывать?

Наступила тишина. Эйфория закончилась. Все так замечательно они придумали... Но доказать? С этим было куда хуже. Прямо из рук вон плохо.

– Никак, – нахмурился Ив. – Только если сумеем расколоть кого-то на признание!

– Для этого нужны хоть какие-то факты, – заметил Реми. – Чтобы припирять народ к стенке. А у нас их нет.

Они снова умолкли. Даже Ксения с ее богатым воображением не нашла никакой мало-мальски стоящей идеи: как расколоть их всех, если тут имел место коллективный сговор?!

– Ив... – наконец нарушил тишину Реми, – что-то мне претит в этой идее... Сам не знаю что.

– Как это? Сам ее выдвинул, а теперь тебе что-то претит?

– Ксения права: лицо писателя изобразило бы определенные эмоции, если б к нему вторглись! Тогда как его лицо почти безмятежно!

– Так я же тебе сказал: они нашли благовидный предлог! И Ксения предложила логичную догадку: они явились, чтобы попросить прибавки к жалованью! Такой домашний профсоюз! Чем тебе эта гипотеза не нравится?!

– Не знаю, Ив. Мне видится, – насколько я успел понять обычаи этого дома, – что в таком случае писатель сам вышел бы к ним из кабинета... А не пустил бы их к себе, в свое «святилище»...

– И что ты предлагаешь? – нахмурился комиссар.

– Дай мне еще дня три...

– Шутишь?! ОДИН, не больше!

– Хорошо, – вздохнул Реми. – Пока расскажи, что у тебя есть по бизнесу писателя...

– Ничего. Какого черта мне им интересоваться, пока я не могу установить, каким образом кто-то проник в его кабинет? Групповое вторжение ты подвергаешь сомнению... А мотивов у нас и так завались!

– Ну а если у него, к примеру, есть компания, которая разрабатывает метод прохождения через стены?

– Это ты пошутил?

– Пошутил, – согласился Реми.

– Дьё мерси, я уж было подумал, что у тебя мозги съехали. Ничего интересного: у него есть небольшая фабрика, которая изготавливает театрально-карнавальную бутафорию: костюмы, маски и прочую фигню, – и еще заводик по производству одноразовой посуды для пикников и всяких праздников. Оба предприятия вполне успешные – прибыль приносят не бешеную, но весьма неплохую и, главное, стабильную.

– *Бутафорию?* В том числе и бутафорские ножи, возможно?

– Не знаю. А что тебе с того? Ларю был зарезан настоящим ножом, не бутафорским!

– М-да... Ладно, камарад, ты обещал мне еще один день...

– Только один!

– Да понял я, понял... Ты пока посади своих людей за компьютеры: пусть постараются найти электронный адрес писателя в открытом доступе!

– Заметано, – кивнул комиссар.

Первым делом Реми навестил обе фабрики Ларю. Особое внимание он уделил бутафорской продукции. Зарезали писателя, конечно, ножом настоящим, но Реми все равно любопытствовал. Вернувшись домой, он разложил перед собой диктофон с записями свидетельских показаний, снимки, сделанные полицией, чертеж дома.

ОДИН ДЕНЬ. Что за него можно успеть в столь загадочном деле?

Ксюша повозилась на кухне и пришла к нему в кабинет с двумя чашками кофе, нарезкой сыра и хлеба. Во Франции кофе пьют сам по себе, без ничего, но Ксюша завела свои традиции в доме.

– Ремиша, если ты не веришь в коллективное убийство, то не проще ли согласиться с тем, что это суицид? – произнесла она, расставив чашки на его письменном столе.

– А ты согласна?

– Нет.

– Ну, и чего ты мне голову морочишь...

– Чтобы ты не мучился.

– Ксю!!!

– Ладно, я что, я просто смотрю на тебя, ты аж серый сде-

лался...

– У меня есть *еще один день!*

Вместо ответа Ксюша подошла, поцеловала мужа в висок. Она восхищалась им: его страстью докопаться до истины, в которой сочетались и любовь к разгадыванию головоломок, и желание найти и наказать преступника.

– Стой! – внезапно проговорил Реми. – Ну-ка, поцелуй меня еще раз... Чуть больше за спину зайди... да, вот так, и наклонись, поцелуй...

Ксюша выполнила все распоряжения мужа и удивленно уставилась на него, ожидая объяснений.

– Ты сказала, что если бы все ворвались в кабинет писателя, то на его лице отразилось бы изумление, страх... помнишь?

– Да...

– А если не все? Если только один? Наклонился к писателю, чтобы поцеловать... или что-то прошептать в ухо, а сам... Возьми-ка ложечку! Обними меня сзади, как ты только что это сделала, наклонись к моей щеке...

Ксения выполнила распоряжения.

– Ты меня целуешь... Или что-то приятное шепчешь в ухо. Я расслабился, растаял... Теперь представь, что ложечка – это нож! Ну-ка, размахнись и ткни мне ложечкой в грудь, вот сюда! – Реми указал пальцем.

Ксюша проделала требуемое.

– Замечательно! – обрадовался Реми. – В этом случае пи-

сатель не успел бы ничего заподозрить, и на его лице не отразился бы страх: он умер раньше, чем испугался!

– И... И что из этого следует? – осторожно спросила Ксения.

– Что убил его кто-то из близких – из тех, кому он доверял: жена или секретарь! Хотя жена вряд ли: для такого удара нужна сила, чтобы пробить ребра и до сердца добраться... Так что я бы приписал убийство мужчине. Может, его «конюх», мало ли...

– Кристиан не стал бы обнимать хозяина!

– Мы не настолько хорошо осведомлены об их отношениях. Вдруг они вместе провернули какое-то левое дельце... Или они голубые, к примеру!

– А как же Марион...

– Для видимости. Чем не версия?

– Может, и версия, конечно... Но кто бы это ни был – как этот человек мог попасть в кабинет?!

– Он нашел предлог, и писатель ему сам открыл.

– А как он тогда вышел, заперев его изнутри?

– Потому что это все-таки сговор. Они сговорились все, но откомандировали одного. А потом сломали замок и хором дали стройные показания!

– Ремиша, но ведь это гениально! Это объясняет всё!!! Только как это доказать?

– Не знаю, – нахмурился Реми. – Не знаю, не знаю! Иди, оставь меня одного, мне нужно сосредоточиться...

Ксюша не стала спорить. Подхватив опустошенные чашки и блюдца, она ушла, а Реми разложил перед собой фотографии трупа, сделанные полицией, и включил диктофон, заново прослушивая показания домочадцев...

Спустя три часа он вышел из кабинета. Ксюша плескалась в ванной. Он приоткрыл дверь – в лицо ему пахнул душистый пар – и сообщил, что ему нужно срочно вернуться на виллу.

– А я?! – закричала Ксения.

– А ты ванну принимаешь. Не дергайся, я скоро вернусь!

– Реми, у тебя есть идея???

Но муж не ответил. Он уже выходил из квартиры.

На ходу детектив позвонил комиссару.

– В тексте романа ничего не нашли постороннего?

– Нет.

– Ив, коль скоро писатель надиктовывал свой текст в голос, то его последние реплики должны были там напечататься! Кто бы к нему ни вошел – все сразу или только один человек, – программа записала реакцию Ларю! Даже если они нашли удачный предлог, даже если он сам открыл дверь, то все равно это было событие, из ряда вон выходящее! Он обязательно что-то сказал... Выразил удивление, гнев, не знаю... Но убийца затем стер последние строчки!

– Для этого он должен был разбираться в программе...

– Это не так уж сложно, Ив. Даже садовник бы сообразил,

если он пользуется не только секатором, но хотя бы иногда мышкой... Кто-нибудь у вас может восстановить предыдущую версию романа, со стертыми словами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.